

вызываемая этимъ необходимостью изученія туземцевъ въ ихъ историческомъ прошломъ для уясненія и пониманія ихъ жизни настоящаго времени, указываютъ, съ одной стороны, насколько важна разработка восточной исторіи въ обширномъ смыслѣ для цѣлей государственныхъ; съ другой стороны, необходимость эта объясняется и тѣсной связью нашей исторіи съ восточной, былымъ вмѣшательствомъ въ русскую исторію, съ самаго основанія Руси, восточныхъ народовъ, вмѣшательствомъ, какъ извѣстно, оказавшимъ значительное вліяніе на весь укладъ русской жизни. Это отраженіе общественныхъ явленій восточной исторіи на политическомъ строѣ и въ культурномъ обиходѣ русскихъ ставитъ насъ въ вопросъ объ ея изученіи въ особое положеніе—намъ нужно путемъ насколько возможно самостоятельнаго изученія этой исторіи приобрѣсти вѣрное и вполнѣ сознательное представленіе объ истинномъ характерѣ и степени вліянія указанныхъ явленій.

Турк. Вѣд. уже указывали на желательность, въ дѣлѣ изученія мѣстной исторіи, поддержки специалистовъ ученыхъ востоковѣдовъ туркестанскимъ дѣятелямъ, которымъ многія средства науки остаются неизвѣстны, дабы труды послѣднихъ были болѣе производительны и затѣмъ съ большою пользою утилизированы для цѣлей науки. Поддержка эта должна заключаться въ снабженіи ихъ такимъ руководствомъ, которое представляло бы результаты предыдущей работы и намѣчало послѣдующую. Новое сочиненіе г. В. Бартольда, исполненное съ такимъ внимательнымъ изученіемъ массы источниковъ, какого только можно желать въ подобной работѣ, имѣетъ всѣ данныя къ тому, чтобы сослужить серьезную службу, въ качествѣ руководства за первые шесть вѣковъ мусульманской исторіи Туркестана, для мѣстныхъ изслѣдователей. Поэтому трудъ автора заслуживаетъ особеннаго сочувствія и благодарности тѣхъ, кто занимается мѣстной исторіей.

В. В.

ЛЕГЕНДА

О ПРОИСХОЖДЕНІИ КАРА-КИРГИЗОВЪ.

(Переводъ съ киргизской рукописи, добытой въ Ташкентскомъ уѣздѣ).

Поведемъ мы рѣчь отъ праотца нашего Азрета-Адама. Въ откровеніи Божьемъ, спущенномъ съ неба, говорится, что когда Азретъ-Адамъ пребывалъ въ раю, Господь-Богъ

строго повелѣлъ ему, чтобы онъ не вкушалъ плодовъ пшеничнаго дерева, а если ослушается, то будетъ изгнанъ изъ рая¹⁾.

*Шайтанъ*²⁾, да будетъ онъ проклятъ³⁾, успѣлъ всевозможными средствами сбить съ пути прабабушку нашу Еву. Послѣ того она покушала плодовъ пшеницы и, принеся также Азретъ-Адаму,—сказала: „плоды эти, оказывается, безподобно сладки, покушайте“.

Азретъ-Адамъ, да будетъ надъ нимъ миръ, соблазнился и покушалъ пшеницы. Какъ только Азретъ-Адамъ (покушали плоды пшеницы), съ плечъ ихъ тотчасъ же спало райское одѣяніе и они остались голыми. Какъ они ни просили деревья дать имъ свои листья (чтобы прикрыться), деревья не дали. Наконецъ, финиковая пальма дала имъ свои листья и они, покрывъ свою наготу этими листьями—вышли изъ рая.

Въ то время, когда Азретъ-Адамъ и Ева покинули рай, на этомъ свѣтѣ не было ни луны, ни солнца, и было очень темно. Благодаря этой темнотѣ Азретъ-Адамъ и Ева потеряли другъ друга и бродили врозь сто лѣтъ. Азретъ-Адамъ все время блуждалъ со слезами и все повторялъ откровеніе Божіе: „Адамъ: живи, ты съ твоею супругою, въ раю: вкушайте отъ него въ удовольствіе себя вездѣ, гдѣ ни хотите; но не приближайтесь къ этому дереву, чтобы вамъ не сдѣлаться преступниками⁴⁾“.

По истеченіи ста лѣтъ онъ (Адамъ) встрѣтился съ Евой. Подробностей столѣтней разлуки мы не станемъ здѣсь описывать, заняло бы много мѣста, а отмѣтимъ только о каракиргизахъ.

Послѣ встрѣчи Азрета-Адама съ Евой, прабабушка наша Ева стала ежегодно рождать по одному сыну и по одной дочери. Перваго сына Евы звали *Кабилемъ* (Канъ)⁵⁾; на слѣдующій годъ Ева родила еще одного сына и одну дочь. На этотъ разъ новорожденнаго сына называли *Абилемъ* (Авель)⁶⁾.

Спустя много дней Кабиль и Абиль достигли совершеннолѣтія. Въ одинъ изъ дней они отправились на охоту. Во время охоты Кабиль сказалъ (Абилю): „Если мы будемъ жониться, то я возьму хорошенькую дѣвицу“. „Нѣтъ, братъ мой, Всевышній Создатель повелѣлъ, чтобы каждый бралъ свою пару“, сказалъ Абиль.

Нужно замѣтить, что дѣвица, которая родилась вмѣстѣ съ Кабилемъ была крайне не красивая, а дѣвица, родившаяся съ Абилемъ, обладала рѣдкой красотой. Поссорившись изъ-за дѣвицы, Кабиль ударилъ Абиля камнемъ и убилъ его.

Не подозрѣвая, что Абиль умеръ, Кабиль таскалъ его на себѣ по стѣнѣ цѣлыхъ десять дней и никакъ не могъ объяснить, что именно случилось съ Абилемъ. Наконецъ, выбившись изъ силъ съ голода и отъ своей ноши, онъ присѣлъ на землю. Въ это время спустились съ неба двѣ вороны и стали клевать другъ друга. Одна изъ нихъ заклевала другую; та, которая осталась живою, выкопала ямку и зарыла заклеванную сию ворону. Взявъ примѣръ съ этихъ воронъ и, убѣдившись, что Абиль умеръ, Кабиль выкопалъ яму и похоронилъ въ ней Абиля, а затѣмъ отправился домой.

По возвращеніи Кабиля, Азретъ-Адамъ спросилъ его, гдѣ Абиль. Кабиль, опасаясь признаться, сказалъ, что Абиль умеръ и что онъ, Кабиль, похоронилъ его и вернулся.

Азретъ-Адамъ, догадавшись, что Кабиль убилъ Абиля, выругалъ его, избилъ и прогналъ отъ себя, давъ ему двухъ (вышеупомянутыхъ) дѣвицъ. Послѣ того Кабиль отправился въ горы, ловилъ тамъ дикихъ звѣрей и поддерживалъ этимъ свое существованіе.

Такимъ образомъ кара-киргизы произошли отъ Кабиля и стали жить съ тѣхъ поръ въ горахъ. Между кара-киргизскими женщинами встрѣчаются очень красивыя и очень дурныя. Это объясняется тѣмъ, что красивыя ихъ

женщины происходятъ отъ той дѣвицы, которая родилась вмѣстѣ съ Абилемъ, а дурныя отъ той, которая родилась съ Кабилемъ.

Легенду эту нѣкоторые (киргизы) рассказываютъ иначе, но то, что изложили мы здѣсь, будетъ вѣрнѣе.

Выше мы говорили, что когда Азретъ-Адамъ и прабабушка наша Ева выходили изъ рая, то покрыли свою наготу листьями финика. Въ наше время одежда у насъ изготовляется изъ матеріи, добываемой изъ хлопчатника. Хлопокъ впервые сталъ произрастать отъ капель, падавшихъ на землю съ финиковой пальмы, откуда мы потомъ стали добывать вату⁷⁾.

А стали мы носить одежду изъ бумаги хлопчатника по той причинѣ, что это осталось намъ въ наслѣдіе издревле⁸⁾.

А. Диваевъ.

Примѣчанія:

1).... „Господи наши! мы погубили души наши; если Ты не простишь намъ и не помилуешь насъ, то мы будемъ несчастны“.

Слова эти были произнесены Адамомъ послѣ грѣхопаденія. См. Коранъ, гл. 7, стихъ 22.

2) *Шайтанъ*, или *Азазиль-Шайтанъ*. Рай и адъ созданы Богомъ до сотворенія міра за нѣсколько тысячъ лѣтъ. Въ аду (дузахъ) изъ огня Богъ создалъ джинна, который назывался „Мариджъ“, а изъ одного ребра его была создана жена его

„Марджа“; долго они жили въ аду, поклоняясь Богу. Спустя нѣсколько тысячъ лѣтъ Марджа родила Азазиль. Онъ такъ усердно молился Богу, что въ аду даже съ ладонь не осталось мѣста, котораго бы онъ не коснулся своимъ лбомъ, и вотъ Богъ припалъ его въ рай (бехширъ) и назначилъ старшимъ надъ всѣми Ангелами. Азавиль оставался въ раю нѣсколько тысячъ лѣтъ и все молился. Каждый день онъ видѣлъ „лаухъ“, т. е. доску, на которой перомъ могущества Бога начертано предопредѣленіе Его. На лаухъ была между прочимъ такая надпись: „Одинъ изъ моихъ рабовъ долженъ отступитъ отъ моихъ повелѣній и долженъ онъ поэтому пасть подъ моимъ проклятіемъ“. Каждый день перечитывалъ это предопредѣленіе Азавиль и каждый разъ самъ проклиналъ того, кто преступитъ волю Бога. Создавъ этотъ міръ и сотворивъ Адама изъ глины, Богъ вознесъ его на небо, помѣстивъ въ раю, назначилъ его старшимъ надъ ангелами и приказалъ всѣмъ имъ, въ томъ числѣ и Азавилу, поклониться Адаму; всѣ ангелы исполнили волю Бога, только Азавиль одинъ отказался, оправ-

дываясь тѣмъ, что Адамъ сотворенъ изъ глины, а онъ изъ огня. Богъ проклялъ Азазила и выгналъ вонъ изъ рая. Съ тѣхъ поръ Азазилъ былъ названъ „шайтаномъ“, т. е. проклятымъ. См. Коранъ и „Сбор. матер. для Стат. Сыръ-Дар. обл.“, т. VI.

3) Эпитетъ, произносимый при каждомъ упоминаніи имени шайтана.

4) См. Коранъ, гл. 2, стихъ 33.

5) Въ преданіи рассказывается такъ: Ева родила 70 паръ близнецовъ, по сыну и по дочери въ каждый разъ. Кабиля (Каина) родъ состоялъ изъ 37,000 мужчинъ и женщинъ. См. „Миссіонер. противомусульман. сборн.“ вып. IV, изд. 1874 г. стр. 106.

6) А Абиля (Авелевъ) родъ состоялъ изъ 47,000 мужчинъ и женщинъ. См. тамъ же.

7) Въ той же книгѣ на стр. 99—100, преданіе о происхожденіи хлопка рассказывается иначе, а именно:—дерево *Инджиръ* дало Адаму и Евѣ пять листьевъ; они закрыли свою срамоту и вышли. Послѣ, когда они сдѣлали себѣ одежды, одинъ изъ этихъ листьевъ съѣлъ дикій звѣрь и отъ него произошелъ мускусъ; одинъ листокъ съѣлъ быкъ и отъ него произошла амбра; одинъ листокъ съѣла пчела и отъ нея произошелъ медъ; одинъ листокъ съѣлъ шелковичный червь и отъ него произошелъ шелкъ; одинъ листокъ Адамъ посадилъ въ землю и отъ него произошелъ хлопчатникъ; все это до воскресенія стало служить украшеніемъ потомкамъ Адама.

8) О кара-киргизахъ см. „Живую старину“, вып. III и IV, 1886 г., работу Н. А. Аристова: „Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей“ и книгу Н. И. Гродекова: „Киргизы и кара-киргизы“.

Изъ области киргизскаго скотоводческаго хозяйства.

Киргизъ Сыръ-дарьинской области, Перовскаго уѣзда, Яны-курганской волости, Абдулла Ніязовъ, человѣкъ весьма почтенный, по своему очень развитой, видѣвшій на своемъ вѣку многое изъ жизни своего народа, говоритъ, что киргизъ только тогда счастливъ, когда обладаетъ скотомъ, необходимымъ въ обиходѣ степного хозяйства. Онъ весьма обстоятельно разсматриваетъ каждую породу скота, съ которымъ приходится имѣть дѣло киргизу; описываетъ жизнь этихъ животныхъ отъ рожденія до смерти, уходъ за ними и, наконецъ, ту пользу, которую извлекаетъ киргизъ отъ той или другой породы скота.

Находя сообщенія Абдуллы Ніязова не лишеными интереса какъ въ научномъ, такъ и въ сельскохозяйственномъ отношеніяхъ, мы позволимъ себѣ подѣлиться съ читателями добытыми отъ него свѣдѣніями.

Скотъ, которымъ обладаютъ кочевники-киргизы, Ніязовъ дѣлитъ на пять группъ, а именно,—верблюды, лошади, корова, баранъ и козелъ. Изъ нихъ верблюды, корова, баранъ и козелъ относятся къ разряду *кара-малъ*, т. е. жвачныхъ.

I. Верблюды

Верблюды представляютъ два главныхъ типа,—*джалгызъ-уркушъ*, т. е. одногорбый, и *аиръ-уркушъ*, двугорбый. Беременныхъ верблюдицъ киргизы называютъ *боазъ*, а небеременныхъ—*ксырь*.

При этомъ самца одногорбаго верблюда называютъ *люкъ*, а самку *арвана*. Самца двугорбаго верблюда—*бора*, а самку *инганъ*.

Благодаря скрещиванію одногорбыхъ верблюдовъ съ двугорбыми въ настоящее время получилось семь разновидностей одногорбаго верблюда, основан (арвана и люкъ), бекъ-батча-наръ, колъ-батча-наръ, джампузъ-наръ, джунекъ-наръ, кылагай-наръ и сокбакъ-наръ. Двугорбые же верблюды дѣлятся на три вида, аиръ, мурза-косбакъ и киреты косбакъ.

Если „бора“ спарить съ „арвана“, то получится „бекъ-батча-наръ“, если „люкъ“ спарить съ „инганъ“—получится „колъ-батча-наръ“; если спарить „бекъ-батча“ съ „колъ-батча“, получится „джампузъ-наръ“. Если спарить „бекъ-батча“ и „колъ-батча“ съ „арвана“ или съ „джампузъ“, то получится „джунекъ-наръ“, которыхъ въ Бухарѣ называютъ *кенгъ-колтукъ*. Если спарить „люка“ съ „джунекъ“ или „джунекъ“ съ „арвана“, получится „кылагай-наръ“, если спарить „бекъ-батча“ и „джампузъ“ съ двугорбымъ „бора“, или же, наоборотъ, если означенные верблюды будутъ спарены съ двугорбымъ „инганъ“, получится „мурза-косбакъ“. Если спарить „мурза-косбакъ“ съ „люкомъ“, или „арвана“ съ „мурза-косбакъ“, то получится „киреты косбакъ“. Наконецъ, если спарить „киреты-косбакъ“ съ „кылагай-наръ“ или „косбакъ“ съ „кылагай-наръ“, получится „сокбакъ-наръ“. Такимъ образомъ получилось десять разновидностей верблюдовъ.

Теперь разсмотримъ вышній видъ перечисленныхъ разновидностей. „Люкъ“ и „арвана“ имѣютъ шерсть курчавую, ростъ высокій, на плечахъ шерсть длинную, на к п-

гизъ-Хана. Съ другой стороны, предводители мусульманъ могли съ горстью людей совершать чудеса храбрости, но совершенно не умѣли организовать болѣе значительныя силы и сдерживать проявленіе національных страстей въ своемъ разноплеменномъ войскѣ. Издавая свой первый опытъ изложенія исторіи Туркестана по первоисточникамъ, авторъ имѣлъ въ виду не только ученыхъ специалистовъ, но и мѣстныхъ дѣятелей, и потому ввелъ туда много подробностей, необходимыхъ для читателя не-специалиста. Авторъ надѣется, что его книга дастъ возможность мѣстнымъ дѣятелямъ ориентироваться въ исторіи Средней Азіи до смерти Чингизъ-Хана и что, съ своей стороны, мѣстные дѣятели доставятъ матеріалъ для дальнѣйшихъ изысканій.

Первый оппонентъ, и. д. орд. проф. Н. И. Веселовскій далъ самую лестную характеристику труда В. В. Бартольда, который не можетъ быть оцѣненъ по достоинству специалистами, такъ какъ изслѣдуемый въ немъ предметъ еще только входитъ въ научный оборотъ. Конечно, ни одинъ новый изслѣ-

дователь средневѣковой исторіи Туркестана не пройдетъ мимо книги Бартольда. Второй оппонентъ, орд. пр. В. А. Жуковскій, присоединившись къ мнѣнію г. Веселовскаго, далъ характеристику всей ученой дѣятельности магистранта и отмѣтилъ его постоянныя сношенія съ мѣстными научными дѣятелями, результатомъ которыхъ явилось возникновеніе въ Ташкентѣ кружка археологовъ.

Магистрантъ былъ признанъ достойнымъ искомой степени, при громкихъ аплодисментахъ собравшейся публики, но въ виду выдающихся достоинствъ представленной диссертации, постановлено ходатайствовать передъ совѣтомъ университета о признаніи его докторомъ.

Съ искренней радостью привѣтствуемъ блестящій успѣхъ уважаемаго ученаго, который посвятилъ свои силы и свой талантъ на изученіе именно нашего края. Мы лично особенно склоны цѣнить въ В. В. Бартольдѣ то, что онъ, будучи истиннымъ ученымъ, не замыкается въ недоступной для простыхъ смертныхъ сферѣ, а охотно не только поддерживаетъ связь съ болѣе скромными труженниками одного съ нимъ дѣла, но и не

отказываетъ имъ въ своемъ руководствѣ и помощи. Это дѣлаетъ истинную честь В. В. Бартольду и навѣрно принесетъ пользу самому дѣлу изученія нашего края.

ПРЕДАНИЕ

о возникновеніи азіатскаго гор. Ташкента¹⁾.

Нашъ (азиатскій) городъ Ташкентъ не слѣдуетъ смѣшивать съ древнимъ городомъ *Шашъ*, ибо Ташкентъ возникъ въ очень недавнее время, а именно сто двадцать съ небольшимъ лѣтъ тому назадъ. Что Шашъ не есть Ташкентъ, можно убѣдиться изъ того, что въ наше время древній Шашъ народъ называется „Иски-Ташкентомъ“, и городъ этотъ былъ расположенъ къ югу отъ могилы Азрета-Занги-Ата, начиная отъ кишлака Нисбашъ до Чиназа; слѣды его замѣтны и по сіе время въ видѣ холмовъ, а мѣстами даже сохранились развалины разныхъ построекъ. Съ тѣхъ поръ, какъ оставилъ сей мѣръ Азретъ-Занги-Ата, прошло болѣе шестисотъ лѣтъ и надо полагать, что древній Шашъ существовалъ еще гораздо ранѣе этого святого²⁾.

Въ настоящее время когда-то цвѣтущій Иски-Ташкентъ (Шашъ) обратился въ развалины, а мѣстность, на которой онъ процвѣталъ—въ голую безводную степь и никто этими мѣстами не владѣетъ. Вновь возникшій нашъ азіатскій городъ также называли Ташкентомъ, а произошло это по той причинѣ, что древній Шашъ, спустя нѣкоторое время, сталъ называться *Шачъ-Кентомъ*, а потомъ и Иски-Ташкентомъ. Кромѣ того, нынѣ существующій азіатскій городъ побудило назвать Ташкентомъ и то обстоятельство, что обитателями его были сарты, которые никогда не принимали у себя

пріѣзжавшихъ къ нимъ изъ степи киргизовъ и отказывали имъ даже въ пищѣ; исключеніе составляли лишь знакомые. Видя на

базаръ и на улицахъ продавцовъ лепешекъ, сартовъ, киргизы говаривали: „Этотъ *кентъ*, оказывается *Ташъ-кентъ*!“ т. е. „каменный городокъ“, въ которомъ обитаютъ не добрые и не сострадательные люди. Съ тѣхъ поръ этотъ „кентъ“ (городокъ) и сталъ называться *Ташъ-кентъ*. Нужно замѣтить, что киргизы народъ мягкосердечный, когда въ аулъ къ нимъ прѣзжаютъ сарты и люди прочихъ національностей, они принимаютъ ихъ, причемъ богатые рѣжутъ барана, а бѣдные накормятъ тѣмъ, что найдется въ домѣ съдобнаго и, вообще, смотрятъ на прѣзжающихъ къ нимъ, какъ на Божьихъ гостей.

Нашъ азиатскій Ташкентъ ранѣе не былъ городомъ и представлялъ изъ себя четыре кишлака, расположенныхъ на четырехъ мѣстахъ; бека, который бы управлялъ ими — не было, а завѣдывали кишлаками аксакалы. Въ центрѣ этихъ четырехъ кишлаковъ былъ базаръ, куда съѣзжался народъ и шла до полудня ежедневно торговля. На базарѣ постоянно происходили побоища, сарты грабили другъ друга, а послѣ полудня разѣзжались. Жители этихъ кишлаковъ тогда не подчинялись ни Бухарскому эмиру, ни Кокандскому хану. Въ центрѣ кишлаковъ варили бузу, куда съѣзжались киргизы, чтобы попить ее, а богатые киргизы рода Канглы, отдѣленія Умуртка, пасли свой скотъ на тугаяхъ, принадлежавшихъ жителямъ названныхъ четырехъ кишлаковъ. Все изложенное выше, вашему слугѣ, сорокъ три года тому назадъ, передавалъ киргизъ

Кульбай Койайдаровъ, который имѣлъ тогда за своими плечами восемьдесятъ лѣтъ. Въ тѣ времена въ одномъ изъ упомянутыхъ кишлаковъ проживалъ нѣкій *Юнусъ-ходжа*, которому въ періодъ грабежей и побоищъ, происходившихъ въ кишлакахъ, посчастливилось отыскать одного хорошаго мастера-кузнеца и изготовить *зандуракъ* (пушку)³⁾. Въ одинъ изъ дней, когда на

базарѣ разыгралось побоище и начался грабѣжъ, *Юнусъ-ходжа* сдѣлалъ по буйству ющимъ сартамъ изъ заранее приготовленной пушки, нѣсколько выстрѣловъ, отъ которыхъ пало много народа. Разсказываютъ, что послѣ каждого выстрѣла взлетали на воздухъ оторванныя части челоѣческаго тѣла, народъ въ смятеніи и ужасѣ убѣгалъ въ разные стороны и приходилъ въ изумленіе отъ дѣйствій никогда невиданнаго ими орудія. Нѣкоторые оставались мертвыми на мѣстѣ отъ одного лишь ужаса и страха.

Ободренный этой удачей, *Юнусъ-ходжа* незамедлилъ разослать повсюду глашатаевъ, которымъ приказалъ кричать: „чи времена, чи времена! такъ отъныне-жъ, что настали времена *Юнусъ-ходжи*!“ И вотъ, послѣ того *Юнусъ-ходжа* сталъ бекствовать надъ четырьмя кишлаками, а вмѣстѣ съ этимъ положилъ конецъ побоищамъ и грабежамъ, происходившимъ на базарѣ.

Когда мнѣ было 18 лѣтъ и когда я учился въ мактабѣ въ Ташкентѣ, нѣкій сартъ *Миръ-Дада-бай*, имѣвшій тогда около девяносто лѣтъ, говорилъ мнѣ, что въ то время, когда *Юнусъ-ходжа* изъ своего орудія побилъ много народа, онъ, *Миръ-Дада-бай*, былъ 12-лѣтнимъ мальчикомъ и торговалъ нитками на

томъ самомъ базарѣ, гдѣ произошелъ погромъ. *Миръ-Дада-бай* уже давно отошелъ въ вѣчность, а когда я его видѣлъ, онъ жилъ въ Бишъ-агачской части, въ кварталѣ „Янги“.

Захвативъ власть въ свои руки, *Юнусъ-ходжа* долго еще былъ хакимомъ Ташкента, послѣ него занималъ этотъ постъ сынъ его *Султанъ-ходжа*, затѣмъ *Уткуръ-Кушбеги* и, наконецъ, *Раджабъ-Гальча*. Съ этого времени Ташкентъ сталъ подчиняться Кокандскимъ ханамъ, а означенные четыре кишлака стали мало по малу разрастаться и, наконецъ, слились въ едино и составили потомъ собою большой городъ.

Когда городъ разросся, ханъ Кокандскій *Омаръ*, послалъ управлять Ташкентомъ своего, когда-то купленнаго раба персіянина, давъ ему званіе *Беклеръ-Беги*. Этотъ заслуженный сановникъ собиралъ съ подвѣдомственныхъ Ташкенту населенія зякетъ, хераджъ и тапанный сборъ и отправлялъ ихъ въ Кокандъ къ *Омаръ-хану*.

Въ тѣ времена Ташкентъ еще не имѣлъ крѣпости. Однажды, *Беклеръ-Бег* сдѣлалъ нарядъ рабочихъ, которые и обнесли городъ крѣпостною стѣною, на что потрачено было немало времени; сдѣлали также двѣнадцать воротъ и такимъ образомъ получился Ташкентъ съ двѣнадцатью воротами. *Беклеръ-Бег* много времени управлялъ Ташкентомъ, потомъ пріемникомъ его былъ сынъ его, *Ишанкуль-Датха*, а послѣ *Ишанкула* перебивало въ Ташкентѣ нѣсколько бековъ. По завоеваніи русскими Акъ-мечети (Перовска), въ Ташкентѣ уже былъ посланъ въ качествѣ бека *Мирза - Ахмедъ - Кушбеги*¹⁾, который на-

чалъствоваль здѣсь семь лѣтъ. Затѣмъ онъ поѣхалъ въ Чимкентъ, гдѣ сдалъ городъ этотъ русскимъ, вернулся вновь въ Ташкентъ.

Въ настоящее время Ташкентъ имѣетъ четыре части. Поводомъ къ такому дѣленію послужило то обстоятельство, что по завоеваніи Ташкента русскими, когда приступлено было къ составленію поимяннаго списка домовладѣльцамъ, населеніе заявило русскому начальству, что городъ ихъ состоялъ прежде изъ четырехъ частей. Заявленіе это было принято во вниманіе. Части эти носятъ слѣдующія названія: Шейхантаурская, Сибзарская, Кукчинская и Бишъ-агачская. Другая причина къ раздѣленію Ташкента на четыре части та, что Ташкентъ, до образованія изъ него города, какъ намъ уже извѣстно, представлялъ изъ себя четыре отдѣльных кишлака, иными словами эти кишлаки стали теперь изображать собою части города.

Усмиривъ сартовъ вышепомянутыхъ четы-

рехъ кишлаковъ, Юнусъ-ходжа положилъ конецъ неурядицамъ и сталъ полновластнымъ надъ ними господиномъ. Юнусъ-ходжа не терпѣлъ подвѣдомственныхъ ему сартовъ. Невзлюбилъ онъ и новыя халаты. Онъ говорилъ: „Если они будутъ ѣздить верхомъ и рядиться въ новыя халаты, то не равенъ часъ, они опять зазнаются и вновь будутъ бунтовать“. Поэтому Юнусъ-ходжа, какъ только встрѣчалъ сарта, ѣдущаго верхомъ или одѣтаго въ новыя халаты, подвергалъ его немедленно денежному штрафу.

Еще въ дѣтствѣ моемъ, мнѣ пришлось разговаривать съ однимъ современникомъ Юнусъ-ходжи, нѣкимъ сартомъ *Азимъ-ходжею*, которому тогда было слишкомъ восемьдесятъ лѣтъ и который проживалъ въ кварталѣ *Карасарай*. Этотъ несчастный старецъ постоянно сидѣлъ у заваленки своей сакли. Онъ былъ одержимъ тяжкою болѣзью и вызывалъ къ себѣ состраданіе всѣхъ знавшихъ его. Вотъ однажды я спросилъ его, откуда онъ получилъ такой тяжкій недугъ.

— О, дитя мое! да сгинетъ та жизнь, которую пришлось испытать намъ. Во времена Юнусъ-ходжи ташкентцамъ строго воспрещено было ѣздить верхомъ и мы принуждены были ходить всегда пѣшкомъ. Бывало купишь у кожевника цѣлую выдѣланную кожу и отправляешься съ этою пошею въ степь къ киргизамъ, гдѣ шьешь сапоги киргизскимъ пастухамъ и ихъ женамъ, а въ вознагражденіе получаешь сырыя кожи. Вотъ однажды, возвращаясь изъ степи съ тяжелою пошею, я выбился изъ силъ и, обливаясь потомъ, присѣлъ у одного ключа и напился воды. Съ тѣхъ поръ привязалась ко мнѣ эта жестокая болѣзнь, отъ которой я не могу освободиться и теперь, заключилъ *Азимъ-ходжа*.

Когда еще Ташкентъ не былъ взятъ рус-

скими, вашему слугѣ не разъ приходилось наблюдать, какъ сарты, возвращавшіеся изъ степи, при приближеніи къ однимъ изъ воротъ города Ташкента, слѣзали съ лошадей и вели ихъ въ поводу почти вплоть до дома. Потомъ я узналъ, что обычай этотъ идетъ со временъ Юнусъ-ходжи. Индѣйцамъ и евреямъ также было строго запрещено ѣздить по городу верхомъ. Всѣ эти обычаи прекратились только съ занятіемъ Ташкента русскими.

Благодаря своей энергіи и отвагѣ, Юнусъ-ходжа завладѣлъ многими городами, а именно: Чимкентомъ, Сайрамомъ (Сарьямъ), Аулиеата, Туркестаномъ и Акъ-мечетью (Перовскимъ).

Войска свои, а также и джигитовъ Юнусъ-ходжа вербовалъ исключительно изъ киргизовъ (казаковъ). Сюда входили киргизы родовъ Канглы, Санычклы, а также киргизы отдѣленій Багысъ и Рамаданъ. Надъ войсками Юнусъ-ходжи главенствовали слѣдующія лица: изъ рода Канглы, отдѣленія Умуртка—Ходжамъ-сеидъ-батыръ, Каракуль-батыръ, Найза-Кулакъ-батыръ, Барлыбай-батыръ, Серъ-ходжа-батыръ, Гаибъ-мирза-батыръ, Булекъ-батыръ, Халы-батыръ; изъ отдѣленія Чокбаръ—Исанбай-батыръ, Хайдаръ-бекъ-батыръ; изъ отдѣленія Ичкули—Гунанъ-батыръ, изъ отдѣленія Карамасъ—Кунакбай-батыръ, изъ рода Санычклы, отдѣленія Санграу—Токсанъ-батыръ, Джабагы-батыръ, изъ отдѣленія Крыкъ-садакъ—Ирискуль-батыръ, Дарткамъ-батыръ, изъ отдѣленія Балыкъ—Джантели-батыръ, изъ отдѣленія Джонсыбъ—Газыбекъ-батыръ, Кульбай-батыръ, изъ отдѣленія Багысъ—Айкынбай-батыръ, Минъ-яшаръ-батыръ, Ирисбекъ-батыръ и изъ отдѣленія Рамаданъ—Джунланъ-батыръ и Исенгельды-батыръ.

А. Диваевъ.

Примѣчанія:

1) Переведено съ рукописи киргиза Ташкентскаго уѣзда, Акъ-джарской волости, Мулла Кубея Токмуклатова.

2) Настоящее имя св. Занги-Ата—есть *Иминъ-баба*. Получилъ же онъ прозвище *Занги* въ слѣдствіе того, что былъ очень черный и страшный. Занги-Ата родился въ мѣстности *Шашъ*. Онъ сынъ Таджъ-ходжи и внукъ Азрета Арсланъ-бабы. Занги-Ата былъ пятымъ мюридомъ (по-

слѣдователемъ) св. Ходжа-Ахмеда-Ясавійскаго († 1166 г.), погребеннаго въ г. Туркестанѣ, надъ гробомъ котораго сооружено колоссальное зданіе Тимуромъ. Исходя изъ этого обстоятельства, позволительно предположить, что Занги-Ата жилъ приблизительно 800 лѣтъ тому назадъ. Онъ погребенъ въ мѣстности *Шашъ*, отстоящей недалеко отъ Ташкента. Въ настоящее время мѣстность эта называется по имени святого, а именно Занги-Ата, куда съѣзжается множество туземцевъ на поклоненіе. Болѣе подробныя свѣдѣнія о личности Занги-Ата см. въ „Обор. Матер. для стат. Сыръ-Дарьинской обл.“, т. V, изд. 1896 г., статью А. Диваева: „Легенда о Казыкуртовскомъ ковчегѣ“.

3) Изъ статьи Н. Г. Малмицкаго, озаглавленной „Нѣсколько страницъ изъ исторіи Ташкента за послѣднее столѣтіе“, напечатанной въ приложеніи къ протоколу № 4, отъ 16 ноября 1898 г. Туркест. Археол. Кружка, мы видимъ, что Ташкентъ, страдая отъ внѣшнихъ враговъ, постоянно волновался и внутренними междоусобіями. Дошло до того, что въ четырехъ частяхъ Ташкента, появились четыре отдѣльных правителя „Чоръ-хакимъ“, которые враждовали между собою. Правитель Шейхантаурской части, Юнусъ-ходжа, отобралъ у подвластнаго ему населенія мѣдную посуду и изъ этой мѣди отлилъ пушку. Благодаря этой единственной пушкѣ, онъ одержалъ надъ своими соперниками верхъ, и мѣсто рѣшительной стычки, на границѣ Шейхантаурской и Сибзарской частей, получило названіе „джанъ-го“, мѣсто битвы.

Не отличаясь большими способностями, Юнусъ-ходжа получилъ у народа насмѣшливое прозвище „банги“, т. е. курильщикъ опиума. Когда при Гурумъ-Сараѣ, на сѣверномъ берегу Дарьи, Юнусъ-ходжа потерпѣлъ поражение отъ Алимъ-хана, и ташкентцы были разбиты на голову, послѣдніе сложили про трусливаго Юнусъ-ходжу насмѣшливое двустишіе на персидскомъ языкѣ (таарихъ):

جستند بتاریخ و بگفتند ظریفان
بنکی بکنش نگاه نا کرده کریخت

„Если догадливые люди хотятъ знать время событія (таарихъ); пусть скажутъ: „банги безъ оглядки бѣжалъ“. Получается 1222 годъ, т. е. конецъ 1807 или начало 1808 года.

4) Мирза-Ахмедъ-Кушбеги скончался въ Ташкентѣ въ 1898 году, въ преклонномъ возрастѣ, оставивъ послѣ себя многочисленную семью безъ всякихъ средствъ къ существованію.

Переводчикъ.

ПРЕДАНІЕ

О происхожденіи узбеков¹⁾.

Во имя Бога милостиваго, милосерднаго! Изъ книгъ *Кытмиръ* и *Мушкатъ* мы видимъ, что когда Мас-удъ, да будетъ Богъ имъ доволенъ, обратился съ вопросомъ къ Посланнику Божьему о томъ, отъ кого происходятъ узбеки, Посланникъ, да будетъ надъ нимъ миръ, *отвѣтили*, что узбеки (произошли) отъ пророка *Узгама*, Узгамъ отъ пророка *Умурья*, Умурья отъ *Талута*, Талутъ отъ *Ягуды* (Иуды), Ягуда отъ *Якуба* (Иакова), Якубъ отъ *Исхака* (Исаака), Исхакъ отъ *Ибрагима* (Авраама). Здѣсь мы замѣтимъ, что родительница пророка Исхака, — *Биби-Сара*, имѣя отъ роду 130 лѣтъ, воспроизвела на свѣтъ Исхака, а такъ какъ у пророка Ибрагима дѣтей не было, онъ обратился съ мольбою къ Богу Всевышнему о ниспосланіи ему потомства. Послѣ этого Богъ Всевышній даровалъ ему двухъ сыновей: пророка Исхака отъ Биби-Сары и пророка *Исмаила* отъ *Биби-Паджира*. Такимъ образомъ, узбеки по женской линіи произошли отъ Биби-Сары, а изъ рода пророка Исмаила — *произошли* милостивѣйшій посланникъ Божій (Мухаммедъ), да будетъ надъ нимъ миръ.

Тѣмъ не менѣе въ одномъ ревоятѣ²⁾ видно, что узбеки произошли отъ Исхака, а изъ другого ревоята усматривается, что когда пророкъ нашъ, да будетъ миръ надъ нимъ, на горѣ Охдъ имѣлъ сраженіе съ кяфирами³⁾, и такъ какъ у пророка войска было мало, а у кяфировъ много, ибо къ

нимъ отовсюду подходили подкрѣпленія, а къ пророку нѣтъ, тогда сподвижники его горько, горько зарыдали. Въ это время неизвѣстно откуда появилось какое-то племя и присоединилось къ пророку. Пророкъ, придя въ восторгъ, воскликнулъ на араб-

скомъ языкѣ: *اضربهم* — *бейте!* Но неизвѣстное племя этого восклицанія не поняло, (тогда пророкъ) воскликнулъ по персидски: *بزنید* т. е. бейте! но и на этотъ разъ его не поняли. Обращаясь къ *Абу-бекру*⁴⁾ пророкъ нашъ, да будетъ надъ нимъ миръ, спросилъ, что это за племя, которое ни арабскаго, ни персидскаго языка не понимаетъ. На это Абу-бекръ возразилъ, что это *тюрки*⁵⁾, которые только что прибыли изъ Туркестана и что племя это связано родствомъ съ *Кахофа*, отцемъ его, Абу-бекра. Тогда (пророкъ) сказалъ имъ по тюркски, чтобы они дрались. Тюрки ринулись на кяфировъ и обратили ихъ въ бѣгство. Съ этого дня исламъ сталъ явнымъ, открытымъ. Послѣ того пророкъ объявилъ, что послѣдователи его тюрки есть ни что иное, какъ его *аса*, т. е. посохъ, и что если кто либо позволитъ себѣ оскорбить дурнымъ словомъ послѣдователей его, тюрокъ, тотъ подвергнетъ себя большому грѣху.

Родоначальниками тюрокъ были девяносто два человѣка и всѣ они были сыновья одного отца, а именно Кахофы. Такъ, наприкладъ: сынъ Кахофы — Абу-бекръ, сынъ Абу-бекра — *Мухаммедъ*, сынъ Мухаммеда — *Султанъ-Дильдаръ*, сынъ Султанъ-Дильдара — *Султанъ-Хафизъ*, сынъ Султанъ-Хафиза — *Султанъ-Абуль-Фаизъ*, сынъ

Султанъ-Абуль-Фаиза — *Кайюзъ*, сынъ Кайюза — *Султанъ-Сафа*, сынъ Султана-Сафа — *Султанъ-Джалялетдинъ*, сынъ Султана-Джалялетдина — *Туляшъ-Баба*, сынъ Туляшъ-Бабы — *Салай-Кабай*.

Во времена Салай-Кабая водворилось полное спокойствіе; дѣти помянутыхъ девяноста двухъ представителей тюркскаго народа, обладали въ это время большимъ количествомъ скота, такъ что братья не имѣли возможности разобратъся между своимъ скотомъ.

Собравшись въ одинъ изъ счастливыхъ дней, братья, съ общаго совѣта, порѣшили поставить тамги ⁶⁾ на своемъ скотѣ. И вотъ, поставивъ девяносто двѣ тамги (братья) раздѣлились съ той поры на девяносто два рода ⁷⁾.

Тамги (и роды) стали носить слѣдующіе названія: Мингъ, Джузъ, Кыркъ, Онгъ, Онгъ-читъ, Джалаиръ, Кунградъ, Алчинъ, Аргынъ, Кыпчакъ, Чакмакъ, Кыргызъ, Казакъ, Калмакъ, Карлукъ, Булакъ, Самарчикъ, Катаганъ, Килячи, Кенегезъ, Бойракъ, Урай, Кыятъ, Хтай, Канглы, Огузъ, Чобрлачъ, Тутчи, Нигузъ, Уртачи, Фулатчи, Чіютъ, Чакчувитъ, Біаутъ, Угаутъ, Арлай, Кирейтъ, Онгъ-утъ, Буркутъ, Тангытъ, Мангытъ, Алаутъ, Мыскъ-меркетъ, Кланъ, Онгланъ, Кары, Арабъ, Айлачи, Чубурганъ, Кышлыкъ, Кадай, Туркменъ, Дурменъ, Кынтамыръ, Рамаданъ, Митенъ, Уйсунъ, Барайхавизъ, Уюрчи, Джуратъ, Татаръ, Юрга, Набашъ, Чагыръ, Солдусъ, Тубай, Тлеуке, Дары, Саткыятъ, Кыркынъ, Шпрринъ, Курлаубъ, Багланъ, Джамбай, Уйратъ, Чигизъ, Уюгыръ, Агаръ, Ябу-Таргынъ, Кахтъ, Маджиръ, Кучалыкъ, Сауранъ, Бахринъ и т. д.

Теперь мы приведемъ здѣсь имена святыхъ, происшедшихъ отъ девяноста-двухъ узбекскихъ развѣтвленій, съ указаніемъ кто у кого былъ пиромъ ⁸⁾ и кто изъ какого рода происходилъ.

Пиромъ Касымъ-Шейха, да будетъ милость Божія надъ нимъ, былъ Ишанъ-Газизанъ, пиромъ послѣдняго Ишанъ-Абдуль-Рафигъ-Шейхъ, пиръ послѣдняго Хусанъ-Шейхъ, пиръ послѣдняго Ишанъ-Мирза-Али-Шейхъ, пиръ послѣдняго Шейхъ-Кауганы, пиръ послѣдняго Касымъ-Шейхъ-Газизанъ, пиръ послѣдняго Ишанъ-Джамалетдинъ-Шейхъ, пиръ послѣдняго Магруфъ-Шейхъ, пиръ послѣдняго Иль-Аманъ-Баба-Шейхъ, пиръ послѣдняго Оадръ-Баба, да будетъ милость Божія надъ нимъ, пиръ

послѣдняго Айходжа-Ишанъ, по прозвищу Запгъ-Баба, пиръ послѣдняго Хакимъ-Ата, пиръ послѣдняго Азретъ-Султанъ-Ходжа-Ахмедъ-Ясавійскій, ⁹⁾ пиръ послѣдняго Азретъ-Ходжа-Юсуфъ-Памданійскій, пиръ послѣдняго Азретъ-Ходжа-Абулхасанъ-Караханійскій, пиръ послѣдняго Азретъ-Султанъ-Баязетъ-Бастамскій, пиръ послѣдняго Имамъ-Джагфаръ-Садыкъ, да будетъ милость Божія надъ нимъ, пиръ послѣдняго Сулейманъ-Фарсъ, да будетъ милость Божія надъ нимъ, пиръ послѣдняго Абубекръ-правдивый, да будетъ милость Божія надъ нимъ, пиръ послѣдняго посланникъ Божій (Мухаммедъ), да будетъ миръ надъ нимъ.

Азретъ-Шейхъ-Масляхитдинъ - Ходжентскій происходилъ изъ рода Катаганъ, Кадыръ-Берды-Шейхъ—изъ рода Джалаиръ, Куллемъ-Шейхъ—изъ рода Дурманъ, Баба-Тукликъ-Шейхъ—изъ рода Муратъ, Акъ-Бура-Ата—изъ рода Канглы, Бакшаншъ-Ата—Кипчакъ, Азретъ-Багаутдинъ—Керейтъ, Чагыръ-Ата—Джугулукъ, Иль-баба—Рамаданъ, Мусуръ - Али - Шейхъ—Алчинъ, Ахунъ-Азизъ—Керейтъ, Еганъ-Шейхъ—Катаганъ, Барамукъ-Шейхъ—Каракалпакъ, Маутуй-Шейхъ—Кунградъ, Джильчиръ-Ата—Уйсунъ, Коркутъ-Ата—Сергали, Ямгурчи-Ата—Уйряукъ, Джелки-Ата—Найманъ, Акъ-тунликъ-ата—Мингъ, Акъ-тайлакъ-Ата—Джузъ, Джамалетдинъ-Шейхъ—Аргынъ, Джиллаганъ-Ата—Кирей и, наконецъ, Джонсызъ-Ата происходилъ изъ рода Кыятъ. А впрочемъ, Богъ всевѣдущъ.

Мы уже сказали выше, что перечисленные здѣсь святые произошли отъ девяноста-двухъ узбекскихъ вѣтвей, но нужно, однако, замѣтить точнѣе, что родоначальникъ узбековъ ведетъ свое начало отъ пророка Ибрагима (Авраама).

Пророки, происшедшіе отъ этого племени, говорили сначала на арабскомъ языкѣ, затѣмъ, когда представители ихъ стали Сул-

танами, узбеки говорили на языкъ, „аджамъ“¹⁰⁾, а послѣ того, какъ стали говорить на тюркскомъ языкѣ, начали уже называться не узбеками, а тюрками. По достижении 92 развѣтвленій, узбеки, продолжая говорить по тюркски, стали называться قزاقъ „казаками“.

Собственно казаки, какъ мы уже упомянули выше, есть одна изъ вѣтвей девяности двухъ развѣтвленій узбековъ. У насъ въ Туркестанскомъ краѣ нѣтъ ни одной кибитки казаковъ; какъ мы слышимъ, всѣ эти казаки ведутъ свое существованіе гдѣ-

то внутри, по направленію къ городу Руму.

Въ древнѣйшее время казаки исповѣдовали какую-то другую религію; отпавъ отъ нея, въ числѣ девяности двухъ человекъ (узбековъ), они предстали передъ пророкомъ Мухаммедомъ, да будетъ миръ надъ нимъ, и воспріяли отъ него вѣру, безъ принужденія и безъ оружія противъ нихъ.

По этому пророкъ нашъ назвалъ ихъ: غازي حقъ „Газы-хакъ“, а затѣмъ современнымъ слово это было искажено на قزاقъ „казакъ“.

Когда 92 человека явились къ пророку, миръ ему, онъ произнесъ اوزي كیلدی уззи кельды, т. е. „сами пришли“ (добровольно), а потому и назвалъ ихъ „узбекъ“, иными словами: сами себя господа.

А. Диваевъ.

Примѣчанія:

1) Переведено съ рукописи Муллы Кубея Токфудатова, киргиза Ташкентскаго уѣзда, Акъ-Джарской волости, рода Канглы.

2) Ревоятъ—слово арабское и означаетъ въ переводѣ 1) рассказъ, сказаніе, толкованіе и пр., 2) подборъ статей изъ Корана или изъ жизни имамовъ, указывающій на то, какъ слѣдуетъ поступать въ данномъ случаѣ. См. слов. Будагова.

3) Кяфиръ отъ араб. کافر—невѣрный.

4) Или Абу-бекръ-сатдыкъ, т. е. Абу-бекръ правдивый, былъ первымъ халифомъ.

5) Тур. ترک мн. ар. ترک пер. ترکان—турокъ,

туркменъ (принимается въ значеніи простого народа, варвара, хищника, поэтому турки Османскіе не хотѣтъ называться этимъ именемъ, а зовутъ себя Османлу), въ поэзіи: красивый юноша, любовникъ. См. слов. Будагова.

6) О тамгахъ см. „Живую Старину“, вып. III и IV, изд. 1894 г., труды Н. А. Аристова; „Опытъ выясненія этническаго состава кирг. большой орды и кара-киргизовъ на основаніи родослов. сказаній и свѣдѣній о сущ. родовъ дѣленіяхъ и родовъ тамгахъ, а также историч. данныхъ и начинающ. антропол. изслѣдованій“. У Н. И. Гро-

декова, кн. его „Киргизы и Кара-Киргизы“, а также см. „Изв. О-ва Арх., Ист. и Этногр. при Имп. Казан. Унив., т. XIV, вып. 3, стр. 361—362, табл. татар. тамгъ Н. Ф. Катанова.

7) О родахъ см. тамъ же у Н. А. Аристова и въ „Этнограф. Обзор.“, кн. IX, статью Ал. Харузина.

8) „Пир“омъ по персидски پير старикомъ, старцемъ въ обычномъ значеніи слова называется глава секты суфиевъ, духовный руководитель лицъ по большей части, хотя не всегда, молодыхъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, впрочемъ очень рѣдкихъ, и пожилыхъ, которые стремятся достичь высшихъ степеней знанія и нравственнаго совершенства съ точки зрѣнія частью мусульманской науки и богословія, т. е. шаріата, частью суфизма и въ такомъ случаѣ въ отношеніи къ пиру называются „мюридами“ ар. مرید т. е. желающій

ученикъ, послѣдователь секты, такой ученикъ у суфиевъ въ знакъ покаянія „тауба“, кладетъ свою руку въ руку своего наставника шейха, котораго избираетъ своимъ руководителемъ „муршидомъ“ духовнаго совершенствованія, „пиръ“, „шейхъ“ въ отношеніи къ своему мюриду, какъ и направляющій на путь истины, на путь прямой, на путь правды, къ похвальной цѣли, путеводитель духовный наставникъ, шейхъ, посвящающій своихъ учениковъ въ таинства ученія суфиевъ. Въ разговорѣ между собою и съ посторонними, мюриды называютъ пира, шейха, „ишаномъ“, т. е. они, такъ какъ обычай предписываетъ не называть по именамъ лицъ почтенныхъ по годамъ, по общественному положенію, по познаніямъ, по нравственнымъ качествамъ; ишанами зовутъ вообще проповѣдниковъ и распространителей ученія суфиевъ, затѣмъ это слово можетъ имѣть смыслъ: святой, подвижникъ, аскетъ, святоша, по пиромъ зовется лишь одинъ ишанъ, какъ глава секты, вокругъ котораго группируются шейхи, ишаны. Отъ своего наставника мюршида, пира, мюридъ, окончившій, такъ сказать, курсъ ученія суфиевъ, получаетъ ириадъ-намя, съ которымъ приобретаетъ право на званіе шейха.

Просвѣтленіе и уничтоженіе собственной личности въ пламени божественной любви,—вотъ цѣль, къ которой стремится или думаетъ стремиться суфизмъ.

9) Азретъ Султанъ-Ходжа-Ахмедъ-Ясавійскій скончался въ 1166 г. нашей эры и погребенъ въ г. Туркестанѣ. Подробное описаніе его гробницы и мечети, построенной надъ его могилой Тимуромъ, см. въ „Изв. О-ва Арх., ист. и этн. при

Имп. Казан. Унив." т. XIII, в. 6, "Восточный замѣтки". Статьи и изслѣдованія А. А. Диваева, П. Н. Ахмерова и Н. Θ. Катанова.

10) Аджамъ *أجم* въ переводѣ значитъ ино-странецъ, варваръ, не арабъ, въ особенности же персіянинъ, Аджамистанъ Персія тур. Аджами (простонарод. Аджами) плушый, пеловкій, пови-чекъ, не знающій языка употребительнаго. См. слов. Будагова.

11) Казакъ—слово, корень и происхождение ко-торого въ наукѣ пока не выяснены, по толкова-нію Муллы Кубея Токфулатова—слово это со-стоитъ изъ двухъ арабскихъ словъ: *كازى* газы,

т. е. воинъ, воитель и *حق* хаъ, т. е. право, исти-на, и значитъ: воинъ или воитель за истину, воинъ Бога; такъ они названы потому, что они приняли исламъ добровольно, не заставивъ его проповѣдниковъ прибѣгнуть къ оружію противъ нихъ. По другому преданію, въ составъ этого слова входятъ тюркскіе корни *казъ*, т. е. гусь и *акъ*—бѣлый.

По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, это слово про-стое, коренное и значитъ бродяга (Вамбери) или разбойникъ, вольный, не имѣющій ни кола, ни двора. См. сл. Будагова.

Августъ Мюллеръ (см. "Исторія Ислама съ основанія до новѣйшихъ временъ", изд. 1896 г., т. III стр. 78 и 79) причисляетъ казаковъ подъ именемъ киргизовъ къ *тюркамъ* (именно восточ-нымъ), которыхъ онъ раздѣляетъ на сѣверныхъ, восточныхъ и западныхъ.

По Гер. Вамбери ("Исторія Бухары", т. II стр. 60—61), казаки впервые вступили самостоятель-нымъ племенемъ въ Трапсаксанію при султанѣ Текель, котораго Левшинъ называлъ Тевкелемъ. "Текель, приславшій къ царю Теодру въ Москву много посольствъ, былъ самымъ могуществен-нымъ между султанами казаковъ", о которыхъ уже въ 941 г. гиджри (1534 г.) Іоанну Грозному было донесено Давилой Губинымъ, что они очень сильны и вели тогда войну съ Ташкентомъ.

Г. Шурцъ (см. "Краткое народовѣденіе", изд. 1895 г., стр. 203 и 204) и Оскаръ Пешель (см. "Народовѣденіе", перев. съ нѣмец., изд. 1890 г., стр. 391 и 393), отличаютъ киргизовъ отъ узбе-ковъ и считаютъ какъ тѣхъ, такъ и другихъ равноправными членами тюркской семьи; сами киргизы по словамъ Муллы Кубея Токфулатова, что впрочемъ уже давно замѣтилъ А. П. Хорош-хинъ (см. стр. 312 "Матеріалы для статист. Тур-кест. края Ежегодникъ", изд. Турк. стат. ком., вып. III, 1874 г., стат. "Народы Средней Азіи")—называютъ себя узбеками и кромѣ того тюрками.

Переводчикъ,

Диспутъ В. В. Бартольда.

19-го ноября, въ одной изъ аудиторій С.-Петербургскаго университета, приватъ-доцентъ В. В. Бартольдъ, котораго Турке-

станскія *Вѣдомости* имѣютъ честь считать въ числѣ своихъ сотрудниковъ, защищалъ диссертацию на степень магистра исторіи Востока "Туркестанъ въ эпоху нашествія

Монголовъ". Петербургскія газеты сообщаютъ слѣдующія подробности объ этомъ диспутѣ:

В. В. Бартольдъ родился въ 1865 г.; въ 1888 г., по окончаніи курса въ одной изъ петербургскихъ гимназій, поступилъ на во-сточный факультетъ с.-петербургскаго уни-верситета, въ слѣдующемъ году получилъ серебряную медаль за сочиненіе "Христіан-ское населеніе въ древнемъ Туркестанѣ". Въ 1891 г. былъ отправленъ за границу, гдѣ работалъ въ Галле и Страсбургѣ. Въ 1892 г. былъ оставленъ при кафедрѣ восточной исто-ріи, а съ 1896 читаетъ лекціи въ качествѣ приватъ-доцента. Изъ ученыхъ трудовъ его слѣдуетъ отмѣтить "Отчетъ о поѣздкѣ въ Среднюю Азію съ научной цѣлью", "Очеркъ исторіи Семирѣчья" и переводъ "Мусуль-манскихъ династій" Ленъ-Пуля. Кромѣ того, имъ помѣщено много статей въ специаль-ныхъ органахъ востоковѣдѣнія и въ орга-нахъ средне-азиатской печати (*Турк. Вѣдом. Окраина, Русскій Туркестанъ*).

Выбравъ предметомъ своихъ работъ наи-болѣе важный періодъ исторіи Средней Азіи—періодъ владычества монголовъ—г. Бар-тольдъ хотѣлъ ограничиться лишь краткимъ очеркомъ состоянія Средней Азіи до на-шествія монголовъ по существующимъ уже изслѣдованіямъ. Однако, благодаря отсутствію въ ученой литературѣ такихъ изслѣдованій, ему пришлось обработать самостоятельно по первоисточникамъ и предшествоващій періодъ. Задачей его труда является изученіе того, чѣмъ опредѣлился ходъ исторіи страны до монголовъ, съ чѣмъ они являлись въ Турке-станъ и какъ произошло завоеваніе страны. Легкость завоеванія страны монголами объ-ясняется какъ состояніемъ государства хо-резмшаховъ въ эту эпоху, такъ и превосход-нымъ устройствомъ монгольскихъ военныхъ силъ. Строго дисциплинированные монголь-скіе воины не искали случая отличиться передъ своими товарищами, но точно испол-няли волю государя или назначенныхъ имъ лицъ; военачальники были только послуш-ными и умѣлыми исполнителями воли Чин-